

A dark crow with a red beak and blue eyes perched over a woman with elaborate face paint. The crow's wings are spread, and the woman's face is painted with white, pink, and blue patterns. The background is a cloudy sky.

Злата Лилина
"Мэй Раддмил"
4 часть

18+

Злата Лилина

Мэй Радмилл. Часть 4.

«Автор»

2026

Лилина З.

Мэй Радмилл. Часть 4. / З. Лилина — «Автор», 2026

Цена победы оказалась выше, чем Мэй и Варфоломей могли представить. После бурных событий третьей части их ждёт череда новых, по-настоящему нелёгких испытаний — и самое жестокое из них — разлука. Обстоятельства разводят героев по разным концам охваченного войной мира, и даже магия не всегда способна преодолеть разделяющие их расстояния и преграды. Варфоломей, не теряя надежды, ищет способ вернуть любимую и остановить разрастающийся хаос. Постепенно нити судьбы вновь начинают сплетаться: старые друзья собираются вместе, чтобы поддержать друг друга и бросить вызов надвигающейся угрозе. Их союз — не просто сила, а опора, которая помогает каждому из них не сломаться под тяжестью происходящего. Когда кажется, что тьма вот-вот поглотит всё, Мэй и Варфоломей наконец встречаются. Их долгожданная свадьба становится не просто торжеством любви, а символом победы над разлукой, страхом и отчаянием — знаком того, что даже в самые мрачные времена можно сохранить свет в сердце и верить в лучшее будущее.

© Лилина З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Самостоятельная жизнь.	5
Глава 2. Пропажа Валери.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Злата Лилина

Мэй Радмилл. Часть 4.

Глава 1. Самостоятельная жизнь.

Маленькая однокомнатная квартира в Брютбелле казалась тесной, но обжитой. На коврике у двери мирно сопел верный пёс — овчарка Грэй, на подушке свернулся клубочком толстый кот Бегемот, а змейка Чернобог обвилась вокруг запястья Мэй, делясь своим едва уловимым теплом. Но за этой внешней идиллией скрывалась суровая, безжалостная реальность: деньги стремительно заканчивались. Наступила самая настоящая нищета. Отопление стоило дорого, продукты таяли, а впереди маячили новые счета. Понимая, что Ями нужно кормить, а за квартиру — платить, Мэй отчаянно искала любую работу. Узнав об этом, их добродушный сосед Кристиан решил помочь.

— Послушай, Мэй, — мягко сказал он, встретив её на лестничной площадке, — у нас на складе освободилось место помощника грузчика. Платят неплохо, и расчёт каждую неделю. Зато у тебя будут живые деньги.

— У меня просто нет выбора, Кристиан, — нахмурилась Мэй, прижимая к груди книги, — признательна тебе, сосед. Завтра после лекций в Ликвуде я пойду на этот склад.

На следующий день после изнурительных лекций Мэй отправилась на работу. Склад оказался огромным, сырым и ледяным ангаром, заваленным тяжёлыми деревянными ящиками. Пыль забивала лёгкие, а сквозняки пробирали до костей. Мэй, чьё тело всё ещё было слабым после недавней анемии, упрямо пыталась таскать коробки наравне с мужчинами. Это была слишком тяжёлая, изнурительная физическая работа. В какой-то момент, пытаясь поднять неподъёмный ящик с инструментами, Мэй почувствовала резкую, острую, как удар ножа, боль в пояснице. В глазах потемнело. Девочка сорвала спину в первый же день и буквально слегла, не в силах даже разогнуться.

Кристиан бережно помог ей добраться до квартиры и уложил на кровать.

— Мне так жаль, Мэй... — виновато прошептал он, стоя у её постели. — Я не думал, что всё так обернётся. Тебе нельзя было таскать такие тяжести.

Когда Кристиан ушёл, Мэй уткнулась лицом в подушку и горько разрыдалась. Слезы бессилия и обиды на несправедливость судьбы душили её. Бегемот преданно уткнулся носом в её плечо, а Чернобог замер на шее, словно пытаясь забрать её боль.

— Я совершенно не приспособлена для физического труда и этой жестокой жизни... — сквозь рыдания прошептала Мэй Валерии, которая заботливо принесла ей тёплый отвар, — Варфоломей был прав... Без его денег я — ничто. Обычная, слабая девчонка, которая ломается от первой же трудности.

Валерия присела на край кровати и мягко, ободряюще улыбнулась подруге. Она погладила её по плечу.

— Мэй, ну же, не плачь, — ласково произнесла она, — всё наладится. Послушай, ведь уже через день наступит Хэллоуин! Весь Брютбелл будет праздновать. Давай мы вместе примем участие в большом городском благотворительном карнавале? Мы сможем там, прямо в центральном парке, поставить палатку и заработать предсказаниями. У тебя ведь потрясающий ведьминский дар, а люди в этот вечер будут щедро платить за то, чтобы узнать судьбу. Давай сходим? Это же так легко и весело!

— Это... это просто отличная мысль! — воодушевилась Мэй, в её глазах впервые за несколько дней блеснула надежда.

Она попыталась резко подняться с кровати, но в ту же секунду острая боль пронзила её поясницу. Радмилл судорожно вскрикнула и со стоном повалилась обратно на подушки.

— Ох... как больно! Я даже пошевелиться не могу...

Валерия испуганно всплеснула руками.

— Лежи, лежи! Тебе нужен покой. До Хэллоуина ещё есть время, я сделаю тебе теплый компресс и чай.

Теперь у нее в запасе есть всего один день, чтобы прийти в себя и подготовиться к карнавалу. Её положение шаткое, а боль в спине не даёт двигаться.

Пока она лежала в своей брютбелльской квартире, мучаясь от острой боли в сорванной спине, на другом конце Неолондии разверзлась бездна нового, невиданного доселе кошмара. Фиолондия не собиралась сдаваться. После гибели короля Аделя и хаоса в столице сам народ Фиолондии начал яростно организовывать сопротивление. Во главе этого народного ополчения и военных остатков встал могущественный и беспощадный маг Мейсон — тот самый верный прислужник покойного короля, который жаждал мести. Мейсон нанёс повторный, роковой и сокрушительный удар по столице Неолондии, Сониде. Используя запретные знания некромантии и алхимии, он сотворил ужасных тварей, которых люди шепотом называли «вампирами-оборотнями». Он скрестил первородных волков с кровожадными ночными вампирами. Эти монстры сочетали в себе нечеловеческую силу, скорость хищников и способность регенерировать, выпивая кровь своих жертв. Они подчинялись только воле Мейсона. По его приказу легионы этих чудовищ наводнили улицы Сониды, неся смерть и разрушение.

Вся столица превратилась в кровавое месиво. Защищая город и свою власть, в бой вступили Каролина, Мартин со своей гвардией и их союзные оборотни. Но главной силой в этой битве снова стал Варфоломей. Он преобразился в гигантского чёрного ворона и ринулся в самую гущу сражения. Битва была страшной, жестокой и беспощадной. Исполинская птица пикировала на скопления вампиров-оборотней, разрывая их стальными когтями и мощным клювом. Ворон буквально отгрызал монстрам лапы, отсекал уши, выклёвывал глаза, заливая мостовые тёмной, ядовитой кровью тварей. Но гибриды Мейсона были невероятно быстры. Несколько вампиров-оборотней смогли прорвать его защиту: их острые клыки и когти глубоко изранили ворона, тяжело повредив ему левое крыло и лапы. Кое-как отбившись, израненный Варфоломей рухнул на балкон королевского замка.

В тронном зале, тяжело дыша и едва держась на ногах, Варфоломей принял человеческий облик. На нём не было живого места: рубашка была разорвана, а сквозь бинты на лапах и плечах хлестала кровь.

— Феолондия... Мейсон... они пригрозили взорвать мощнейший химический завод в Брютбелле, — хрипло произнёс окровавленный Варфоломей, опираясь на плечо Мартина.

Его небесно-голубые глаза лихорадочно блестели от страха за Мэй, которая находилась именно в этом городе.

— Если они запустят туда своих тварей или направят дирижабль... мы обязаны предотвратить это. Мы не должны допустить взрыва.

Каролина, бледная как снег как вдова-зима, сжала кулаки.

— Если этот завод взлетит на воздух, Брютбелл и все прилегающие земли превратятся в мёртвую, отравленную пустыню. Тогда будет настоящая катастрофа. Погибнут все.

Маг бессильно опустился на кушетку. Из темноты зала немедленно выбежали его верные слуги — Михаэль и Тиффани. Со слезами на глазах они принялись обрабатывать новые страшные раны своего хозяина, промывая порезы от когтей вампиров и накладывая тугие шёлковые повязки. Варфоломей стонал, сжимая зубы от адской боли, но его разум был занят только одним: Мэй в Брютбелле грозит смертельная опасность, а он лежит здесь, прикованный к постели собственным бессилием.

А в это время в Брютбелле Мэй лежала на своей кровати, чувствуя, как через их невидимую магическую связь её собственное тело пронзают фантомные боли. Её крылья под кожей ныли, а ладони горели, словно их раздирали когти диких зверей. Она знала: Варфоломей снова проливает кровь. И тень великой беды вновь настигла их... Спина всё ещё мучительно болела, но внезапно к этой боли добавилось странное, жгучее ощущение в плечах и руках — словно её саму разрывали на части когти невидимых монстров. Через их ментальную связь она отчётливо почувствовала, что Варфоломей умирает от боли где-то далеко. Она задыхалась от этого ощущения.

— Мэй, что с тобой? — испуганно спросила Валерия, прикладывая к её лбу прохладное полотенце, - ты вся горишь!

— Он... он ранен, Валери... — прошептала Мэй, слёзы покатались по её щекам, - там, в столице. И нашему городу... Брютбеллу... грозит что-то страшное.

Ями, стоявший у окна, вдруг резко обернулся. Его глаза расширились от ужаса.

— Мэй! Посмотри на небо!

Фиолондские дирижабли показались над Брютбеллом поздним вечером. Их тёмные корпуса медленно двигались по небу, а под брюхом уже готовились к сбросу первые бомбы. Но внезапно над городом мелькнула огромная чёрная тень. Варфоломей преобразился в ворона и взмыл навстречу дирижаблям. Он двигался стремительно, почти неуловимо, несмотря на ещё не зажившие раны. Ворон вцеплялся когтями в корпуса летательных машин, сбивал их с курса и направлял в сторону пустых полей. Один за другим дирижабли падали далеко от города, не задев ни домов, ни больниц, ни химического завода.

Брютбелл был спасён. Однако сам маг вернулся в замок Каролины тяжело раненым. Его крыло кровоточило, лапы были изуродованы, а часть тела всё ещё оставалась в птичьем облике. Он наполовину преобразился в человека: одно плечо и рука были человеческими, а другая сторона сохраняла чёрные перья и острые когти.

Его уложили в постель. Михаэль и Тиффани снова принялись обрабатывать раны, осторожно промывая их и накладывая повязки. Каролина стояла рядом. Она провела рукой по его голове, по гладким чёрным перьям.

— Несчастный ворон, — тихо сказала она.

Варфоломей слабо пошевелился, но не открыл глаз. Он был слишком истощён. Мартин наблюдал за ними из другой части комнаты. Он заметил, с какой нежностью Каролина смотрит на Варфоломея, и сжал зубы. Ревность неприятно обожгла его. Он понимал: каким бы близким ни стал для королевы, в её сердце по-прежнему оставалось место для старого чёрного мага.

Наступил Хэллоуин. Мэй с Валерией пришли в парк на праздник. Мэй одела маску ворона, а Валерия просто странную маску. Им помог выставить палатку Кристиан. Они сидели и предлагали людям предсказания и гадания. Много людей останавливалось. Мэй делала им предсказания за деньги.

— Готово, — сказал он, поправляя край навеса, - только не обещайте людям слишком много.

— Мы ничего не обещаем, — ответила Валерия, - мы лишь помогаем им заглянуть в возможное будущее.

Юная ведьма разложила на столе карты, свечи, небольшой хрустальный шар и чашу с водой. Рядом лежала её скрипка, которую она взяла с собой для праздничного настроения. Первые посетители подошли почти сразу. Мэй брала человека за руку, внимательно смотрела на линии его ладони и говорила то, что подсказывала ей интуиция. Кому-то она предсказывала дальнюю дорогу, кому-то — встречу с близким человеком, кому-то — неожиданную перемену в жизни.

Люди уходили довольными, оставляя на столе монеты. Постепенно возле палатки образовалась небольшая очередь.

— У вас настоящий дар, — сказала пожилая женщина, после того как Мэй посмотрела в хрустальный шар, — вы видите больше, чем положено.

Мэй промолчала. За маской ворона её лицо оставалось серьёзным.

Она чувствовала, что сегодня воздух вокруг слишком напряжён. В каждом порыве ветра слышался далёкий шелест крыльев. Пламя свечей иногда вытягивалось в одну сторону, хотя ветра не было.

Когда к палатке подошёл очередной посетитель, она подняла на него взгляд и замерла. На мужчине была чёрная маска без отверстий для глаз. Он молча сел напротив неё и положил на стол старинную монету.

— Что вы хотите узнать? — спросила Мэй.

Мужчина не ответил. Вместо этого он медленно повернул голову в сторону фонаря, и в его руке блеснуло чёрное перо. Девочка почувствовала, как кольцо с моховым агатом стало горячим. А затем издали донёсся протяжный крик ворона.

Варфоломей в своей чёрной маске без прорезей для глаз медленно опустился на стул напротив Мэй. Под его плащом угадывались очертания бинтов, но его поза выражала странную, гипнотическую покорность.

— Какой у вас вопрос? — тихо спросила Мэй, всматриваясь в его скрытое лицо, — вы мужчина?

Она заметила, что голова незнакомца слегка наклонена вбок, а шея словно была немного свёрнута — прямо как у гробовщика. Внутри неё дрогнуло предчувствие.

— Нет, — ответил он высокой, вибрирующей нотой того самого, незабываемого голоса-кларнета, — я же вечное дитя из далёкой страны. Посмотрите на моё будущее.

— Что ж, — вздохнула ведьма, стараясь сохранить профессионально ехладнокровие, хотя её руки уже начали дрожать. — Давайте. Ваше имя и дата рождения.

— Рейн, — ответил человек и с тихим, сухим звуком хрустнул шеей, — первое июня 1900 года.

Это была его настоящая дата рождения. Студентка почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод. Пытаясь унять дрожь, она начала быстро трясти колоду карт, и тени вокруг их стола зашевелились, откликаясь на её безмолвный призыв.

— Вас ждёт грандиозное будущее... — заговорила она, выкладывая карты, — сражение, любовь... но вам предстоит сделать очень тяжёлый выбор.

Её пальцы окончательно ослабли, и карты с тихим шорохом начали выпадать из рук, рассыпаясь по столу. Человек молча протянул ей небольшой кожаный мешочек, туго набитый золотыми монетами. Она взяла его. Но в последний момент, ведомая непреодолимым порывом, Мэй подалась вперёд. Ей отчаянно захотелось узнать, кто скрывается под этой безликой чернотой.

Маска с тихим шуршанием выскользнула из пальцев Радмил и упала на влажную лесную траву. Она сорвала её. Юная ведьма замерла, тяжело дыша, её сердце неистово колотилось в груди. После всего, что ей пришлось пережить, ей стало дурно. Но то, что открылось её взору под бледным лунным светом, заставило её гнев мгновенно утихнуть, уступив место немому изумлению. Перед ней стоял гробовщик, чья внешность казалась нереальной, сошедшей со страниц старинных печальных сказок. В его облике странно и завораживающе переплелись утончённая мужская хрупкость, глубокий театральный трагизм и болезненная, почти пугающая красота. Его лик был неподвижен и бледен, словно искусно выточенная маска из белого гипса. Правый глаз мужчины был плотно стянут крест-накрест атласными лентами пыльно-бежевого цвета, напоминающего оттенок увядшей розы. На его щеке они сходились в небрежный, узкий бант. Вокруг этой повязки темнели лилово-синие прожилки, а из-под атласа сбе-

гали тонкие, едва подсохшие потёки крови — рана казалась совсем свежей, заставляя сердце Мэй сочувственно сжаться. В противовес скрытому увечью, его левый, ледяной голубой глаз смотрел на ведьму с невыразимой грустью. Он был обведен бирюзовыми тенями, которые спускались по бледной коже вниз, имитируя аккуратную, застывшую слезу. Длинные, пушистые ресницы подрагивали от ночного ветра. Тонкие, узкие губы были тронуты почти чёрным пигментом в самом центре — казалось, они искусаны в кровь от боли или замерзли насквозь в этом холодном лесу. Серебристо-пепельные волосы, подстриженные под растрепанное каре, мягкими кудрями обрамляли его лицо. Прядки небрежной чёлкой падали на глаза, и в этот пепельный хаос была бережно вплетена одна-единственная тонкая чёрная ленточка. Свободная белая рубашка из тончайшего шёлка с высоким воротником-жабод елала его похожим на заблудившегося во времени аристократа. Широкие рука вас пышными манжетами почти полностью скрывали его тонкие ладони. Поверх рубашки крепились кожаные ремешки портупей, а тёмный плащ с глубоким капюшоном, распахнувшийся при движении ведьмы, укутывал его фигуру, словно крылья ночной птицы. Он испуганно вздрогнул, инстинктивно втянув голову в плечи. Он сделал робкий шаг назад, прижав к груди бледные руки в пышных манжетах.

— Зачем ты сорвала её?.. — его голос, удивительно мягкий и глубокий, прозвучал как нежные ноты кларнета.

В нём сквозила странная, почти детская растерянность, смешанная с робкой надеждой, будто, он сам не верил, что кто-то решился взглянуть на его настоящее лицо. Мэй опустила руки. Вся её злость испарилась. Глядя на этого израненного, андрогинного мужчину, она увидела в нём отражение собственной израненной души. Они оба были поломанными игрушками в чьей-то жестокой игре, беглецами, ищущими спасения в холодной темноте леса.

— Варфоломей! — воскликнула Радмилл, но мгновенно взяла себя в руки, чтобы дать отпор ему, вспомнив всё перенесённое от него, — ожидаемо. Что тебе нужно?

— Хотел провести тебя, дорогая, — тихо произнёс он, глядя на неё, — я думаю, что я погорячился. Прости меня, Мэй. Мы же родственники, я буду тебя содержать. Не хочу, чтобы ты в чём-то нуждалась.

Но она вспыхнула от ярости. Её ведьминская гордость поднялась волной.

— Я теперь самостоятельная! — громко сказала она, гордо вскинув подбородок, — и справлюсь во всём сама и без тебя! Уходи...

Варфоломей печально опустил голову, надвинул глубокий капюшон и медленно скрылся среди деревьев.

Вскоре на праздник пришёл весёлый Герард. Валерия, которая к этому моменту уже немного заработала, решила уйти веселиться вместе с ним, оставив Мэй одну. Для студентки это был единственный способ получить много денег, поэтому она продолжала принимать людей. Один за другим шли клиенты. От этого бесконечного потока у неё сильно закружилась голова, а в глазах окончательно потемнело. Поняв, что силы иссякли, Мэй прекратила приёмы и слабо вышла из палатки. Ями тут же подбежал и крепко обнял свою бледную сестру. Поддерживая друг друга, они направились обратно домой. Вдруг праздничная музыка на площади начала орать во всю мощь, оглушая и давя на виски. Но пройти им не удалось: все наряженные в жуткие карнавальные костюмы люди перегородили им дорогу, собравшись в плотное кольцо. Мэй и Ями оказались зажаты в толпе. И вдруг сквозь этот плотный заслон снова бесшумно появился Варфоломей. Его серебристо-пепельные кудри с чёрной лентой развевались на ветру, а единственный ледяной глаз смотрел на неё с немой, отчаянной надеждой...

Он протянул к ней руку.

— Мэй, — его голос был тихим, но в нём звучала невероятная сила, — идём со мной.

Вся эта оглушающая хэллоуинская музыка, рваные сполохи гирлянд и калейдоскоп пёстрых масок сжались для Мэй в один удушающий узел. В глазах окончательно потемнело, и её тело безвольно соскользнуло вниз. Варфоломей среагировал мгновенно. Широкие рукава

его шёлковой рубашки метнулись подхватить её, и он подхватил упавшую студентку прямо на руки, не позволив ей коснуться холодной земли. Бережно прижав девочку к своей груди, укрывая её от шумной толпы полами своего чёрного плаща, он быстрыми шагами направился прочь с праздничной площади. Рядом с ним, не отставая ни на шаг, спешил Ями.

— Она совсем устала... — прерывисто прошептал мальчик, глядя на бледное лицо сестры. — Она ведь пыталась устроиться на склад грузчиком и в первый же день сорвала себе спину...

Варфоломей замер на секунду, его единственный ледяной глаз под стрелой пепельной чёлки наполнился выжигающим раскаянием.

— Это я во всём виноват, — выдохнул гробовщик глухим, сломанным голосом, ещё крепче прижимая её к себе, — это только моя вина.

Они уже подходили к дверям подъезда, когда Мэй очнулась. Затуманенным взором она увидела прямо перед собой бледный лик с пышно-бежевой повязкой из атласных лент и бирюзовой слезой на щеке.

— Варфоломей... — едва слышно прошептала она вполголоса, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Мэй, — нежно промолвил он, осторожно заноса её на лестничную площадку.

Войдя в квартиру, он заботливо уложил её на кровать. Не теряя ни минуты, темный маг прошёл на кухню, где заварил специальный укрепляющий отвар из целебных трав. Вернувшись к постели, он помог ей приподняться и протянул чашку. Раддмил сделала пару глотков — тёплая жидкость мгновенно пролилась по телу, возвращая ясность мыслям и снимая приступ дурноты. Она окончательно пришла в себя, села на кровати и, окинув его взглядом с ног до головы, гневно сузила глаза.

— Что за цирк ты устроил? — вырвалось у неё.

— В плане? — искренне изумился некромант, слегка наклонив подвернутую шею. — Что я сделал?

— Твой наряд, — Мэй строго сдвинула брови, указывая на жабо, ленточку в пепельных локонах и театральный грим.

— Ох... — Варфоломей раздражённо и тяжело вздохнул, но в его единственном голубом глазу промелькнула острая искорка, — но я всё равно рад, что тебе стало лучше. Однако я узнаю прежнюю Мэй Раддмил... Снова эти упрёки.

Студентка сунула руку в карман пальто и вытащила тот самый тугой мешочек с золотом, который он оставил у неё в палатке.

— Забирай свои деньги, — она решительно протянула его мужчине.

— Это тебе, — с мягким укором ответил он, даже не шелохнувшись. — Прими эту помощь, Мэй. Не в цирк же тебе идти или на складах спину калечить. Ты даже в палатке на карнавале гадала ради монеток...

Он коротко и весело хихикнул. Внутри Мэй всё закипело от унижения и ярости.

— Ты вздумала смеяться надо мной?! — вскрикнула она.

Не раздумывая ни секунды, Мэй схватила со столика стакан с водой и с размаху прыснула жидкостью ему прямо в лицо! Вода обрушилась на его бледную кожу. Бирюзовые тени под левым глазом моментально размылись и потекли по щеке грязными подтёками, а чёрный пигмент в центре его губ поплыл, оставляя тёмные разводы на подбородке. Варфоломей замер. Вода капала с его пепельной чёлки на шёлковое жабо.

— Как жестоко... — едва слышно прошептал мужчина, и в его голосе прозвучало горькое, ледяное разочарование.

Он не стал вытирать лицо. Медленно поднявшись, он взял свою серебряную трость и направился к выходу из квартиры.

— Варфоломей! — вдруг громко воскликнул Ями.

Мальчик подбежал к нему и крепко обнял опекуна со спины, не давая шагнуть за порог.

— Не уходи! Пожалуйста! Я... я хочу вернуться обратно в Статимэд! В Сониду! Мне совершенно не нравится здесь, в Брютбелле! — Ями повернулся к сестре, его голос дрожал от скопившейся обиды, — с чего ты вообще, Мэй, решила, что имеешь право единолично решать мою судьбу?!

Девочка поспешно поднялась с кровати, её разноцветные глаза пылали нетерпимостью:

— Он — убийца! — отрезала она, указывая пальцем на Варфоломея. — Он мне отвратителен! Он — ничтожество, и он не имеет никакого права тебя воспитывать и находиться с нами рядом!

Варфоломей, стоя в дверях с потёкшей по щеке бирюзовой слезой и сжатой в руке тростью, медленно обернулся и ровным, сухим тоном заметил:

- Я все еще здесь...

Обстановка в маленькой квартире в Брютбелле накалилась до предела. Варфоломей стоял у самой двери, вода стекала по его лицу, оставляя на бледной коже бирюзовые следы. Ями продолжал крепко обнимать его, уткнувшись лицом в мокрый шёлк рубашки.

— Ты думаешь, что спасаешь нас, Мэй? — крикнул Ями, не отпуская опекуна, — но ты просто заперла нас в этой нищете! Ты заставляешь меня учиться в школе, которую я ненавижу, среди людей, которым на нас плевать!

Маг медленно положил ладонь на голову мальчика, его пальцы в пышных манжетах едва заметно дрожали. Его взгляд, обращенный на Мэй, был полон не боли, а какого-то нового, холодного понимания.

— Кажется, твой брат повзрослел раньше, чем ты ожидала, — тихо произнёс он.

Мэй задыхалась от обиды и бессилия. Горячие слёзы жгли глаза, а сердце разрывалось на части от предательства самых близких людей.

— Ну и убирайся, Ями! — вскрикнула она, вложив в эти слова всю скопившуюся боль.

— Мы уйдём завтра, — спокойно, без тени сомнения произнёс Варфоломей, смывая остатки размытой бирюзовой краски со своего лица рукавом, — и нас не волнует, нравится тебе это или нет. А сейчас давай ложиться спать.

Он медленно подошёл к ней. Склонившись над застывшей ведьмой, Варфоломей по-детски легко и с беззаботным смешком щёлкнул её по носу. Раддмил сурово нахмурилась, но ничего не ответила, лишившись слов от его непредсказуемости.

— Я пойду приму душ, — ровным тоном промолвил он и скрылся в ванной комнате.

Шум воды затих. Вскоре дверь открылась, и Варфоломей вернулся в комнату. На нём была длинная, просторная белая сорочка из тонкого льна, спадавшая до самого пола. Мэй провела по нему тяжелым, усталым взглядом — и вдруг обомлела. В полумраке ночной комнаты её взору открылось нечто жуткое, от чего кровь застыла в её жилах. На его ресницах, несмотря на тёплый душ, всё так же белел искрящийся ледяной иней. Его кисти и запястья выглядели жутко — они были угольно-чёрными, словно заживо обугленными страшным некромантическим огнём. Но самым ужасным было другое: на его бледных голенищах и стопах проросли тонкие, вьёвшиеся в плоть нити паразитического гриба — кордицепса, а по всему телу, под тонким льном сорочки, расплзалась бархатистая, смертоносная снежная плесень.

Она вздрогнула от этого нереального, кошмарного зрелища. Её глаза широко распахнулись.

— Что... что с тобой, Варфоломей? — судорожно прошептала она, отступая на шаг.

— Я гнию изнутри, — слабо, с печальной и смиренной улыбкой ответил он, опустив взгляд на свои почерневшие руки. — Отвечаю за свои грехи, Мэй... Сквозь мою кожу прорастает гриб. Моя магия и моя тьма больше не дают мне жить.

Мэй тяжело сглотнула. Ужас, жалость и острая боль смешались в её груди. Человек, стоявший перед ней, расплачивался за всю ту жестокость и кровь, которую пролил, и сама природа медленно пожирала его плоть. Они легли спать в напряжённой, тяжёлой тишине.

Ранним утром, едва первые серые лучи осеннего солнца пробились сквозь туман, девочка проснулась от странного шума на балконе. Она сдёрнула одеяло и выбежала из комнаты. Выглянув на балкон, юная ведьма замерла в оцепенении. Там, в морозном воздухе, тёмный маг преобразился. Но это был не прежний угольно-чёрный ворон. На этот раз перед ней предстала гигантская, ослепительно-снежная белая ворона с сияющими небесными глазами. Белая птица осторожно подхватила Ями мощными лапами, распахнула огромные крылья и, разрезав рассветный туман, взметнулась в небо, взяв курс обратно на Сониду.

— Варфоломей! Ями! — вскрикнула Мэй, бросаясь к перилам балкона.

Но было поздно. Белоснежный силуэт растворился в облаках. Ведьма упала на колени на холодный бетон балкона и зарыдала, горько смотря им вслед. Вернувшись в пустую, звенящую тишиной комнату, она подошла к столу. На дубовой столешнице лежала сложенная вдвое бумажка. Мэй дрожащими пальцами развернула её. Это была прощальная записка от её младшего брата: «Мэй, прости. Но моё место рядом с ним. Я возвращаюсь в Сониду.»

Одиночество хлынуло в квартиру ледяной волной. Брат улетел с некромантом, оставив лишь скупые строчки на сложенном листке. Но Мэй не успела даже осмыслить горечь предательства — Чернобог, чувствуя нарастающую ревогу хозяйки, беспокойно и быстрыми кольцами ползал по её шее, щекоча кожу прохладной чешуёй. Змея шипела, уткнувшись мордочкой в её подбородок, словно предупреждая об иной, более близкой опасности. Она огляделась. Постель Валерии была идеально заправлена. На тумбочке аккуратно стояли учебники. Подружка так и не вернулась с Хэллоуина. Последний раз Мэй видела подругу вчера вечером у гадательной палатки, когда та, пересчитав заработанные монеты, весело ушла танцевать с Герардом. С тех пор прошла целая ночь. Охваченная лихорадочной паникой, Мэй выбежала из квартиры и устремилась сквозь прохладный осенний туман к университетскому общежитию Ликвуда.

Она взлетела по лестнице на третий этаж и изо всей силы начала стучать в дверь комнаты Герарда. Дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял растрёпанный, сонно шурящийся рыжеволосый юноша в простой домашней рубашке.

— Герард! — воскликнула Мэй, хватая его за плечи, и её голос мгновенно сорвался от страха, - где Валерия?! Она не с тобой?!

Герард нахмурился, потирая затылок, и попытался сообразить, что происходит.

— Вы вчера в палатке зарабатывали деньги... — начал припоминать он, с трудом восстанавливая в памяти события прошлой ночи, - потом я позвал её на танцы, и мы пошли вместе на площадь. Мы выпили много вина... Я, честно говоря, многое забыл из-за этого, но точно помню: около полуночи она сказала, что устала и идёт к тебе в квартиру. Где она? Разве её нет дома?

— Какой кошмар! — Мэй схватилась руками за голову. Ужас сдавил дыхание. Валерия не дошла до дома.

— Идем! — Герард мгновенно накинул куртку, его сонливость как рукой сняло.

Они вместе помчались обратно к дому Мэй и застучали в дверь напротив — к Кристиану. Сосед выбежал в коридор, увидав их перепуганные лица.—

- Что случилось? — спросил он.

— Кристиан, ты видел вчера Валери?! — задыхаясь, спросила Мэй. — Она пропала!

— Я вчера помог вам с палаткой, постоял рядом... — растерянно начал объяснять мужчина, дотрагиваясь до своего шрама, - но потом почувствовал себя лишним и ушёл. Я видел, как с тобой появился тот странный, наряженный мужчина с повязкой на глазах, а Валери ушла танцевать к другу. Больше я её не видел, Мэй. У своего подъезда я её точно не встречал.

Раддмил в бессилии опустилась спиной на холодную стену коридора. В один день она потеряла всё: брата унесла белая ворона, а лучшая подруга сгинула во тьме брютбелльских улочек.

— Мы должны найти её! — закричала Мэй, подняв взгляд, полный ведьминского огня, - мы прочёшем каждый переулок этого проклятого города!

- Непременно! — кивнул рыжеволосый юноша.

Глава 2. Пропажа Валери.

Мэй посмотрела на Герарда и решила рассказать ему всё о своей родне.

— Нам нужно проверить одну женщину, — тихо произнесла она. — Её зовут Лаура Раддмил. Она моя тётя и преподавательница в Ликвуде. Варфоломеем предупреждал, что три года назад её обвиняли в похищении и убийстве молодых девочек-ведьм...

Герард резко замер, а затем раздражённо вздохнул, виновато и устало потирая переносицу.

— Сколько от вас проблем! — выпалил юноша с нескрываемой досадой. — Вы так меня раздражаете. Ты, твой брат и твой опекун. Вечно вокруг вашего семейства творится какая-то дичь!

— Сейчас речь не обо мне, Герард! — строго отрезала Раддмил, вспыхнув от возмущения, — но мы должны пойти к госпоже Лауре. Может, Валери там? Вдруг она её схватила?

— А она прям взять и признается тебе? — с иронией усмехнулся студент-журналист, — надо проникнуть туда ночью и тайком, глупая. Если просто прийти и постучать, она всё спрячет, если действительно виновна.

Мэй сурово сдвинула брови на его «глупую», но решила сдержаться. Конфликты и ссоры сейчас были абсолютно ни к чему — на кону стояла жизнь подруги.

Наступила глухая ноябрьская ночь. Небо над Брютбеллом очистилось от туч, и над городом высыпали тысячи холодных, ярко блестящих звёзд. Мэй и Герард направились к окраине города. Чтобы добраться до дома Лауры, им пришлось перерастить через жуткое старое кладбище. В ночной тишине казалось, словно все мёртвые под надгробиями следили за их каждым шагом. В кронах вековых деревьев торжествовали вороны и ночные птицы, совы издавали ухающие звуки, а в воздухе кружили ночные мотыльки и шелкопряды. Вся природа вокруг, казалось, скрывала какую-то мрачную и древнюю тайну. Наконец они вышли к уединённому, мрачному домику Лауры, стоящему прямо на границе погоста и леса. Герард огляделся, поднял тяжёлый камень и аккуратно разбил небольшое стекло подвального окна. Отжав защёлку, они с Мэй по очереди прокрались внутрь.

В подвале стоял запах сырости, сушёных трав и земли. Герард включил карманный фонарик, освещая углы. Но, к их удивлению, в подвале ничего подозрительного не было: обычные бочки, пустые стеллажи и старая мебель. Никаких следов Валери или тёмных ритуалов. Вдруг на лестнице послышался шум. Тяжёлая дубовая дверь вверху с сокрушительным треском распахнулась. На пороге, держа в руке зажжённую свечу, стояла Лаура Раддмил. На ней была нежная розовая сорочка, а волосы спадали по плечам.

— Мэй... — она прищурилась, разглядывая забравшихся в её дом гостей, — ты так решила прийти ко мне в гости? Весьма необычно.

— Валерия пропала! — эмоционально выкрикнул Герард, выставя вперёд подбородок, — и мы пришли разобраться с тобой! Мы знаем про твой подвал и твоё прошлое!

Лаура медленно улыбнулась, но в её глазах не было злости — лишь ирония.

— Я прямо сейчас могу вызвать полицию, — спокойно сказала она. — И вас заберут за незаконное проникновение. Могут на пару суток посадить, а что еще хуже для вас — немедленно выгнать из университета Ликвуд.

Но Мэй сделала шаг вперёд и начала медленно подниматься по деревянным ступенькам подвала к тёте.

— Госпожа Лаура... — произнесла студентка, — я же ваша племянница. Давайте просто поговорим об этом спокойно. Вы... вы причастны к исчезновению Валерии?

Лаура нахмурилась, и её лицо выразило искреннюю обиду.

— Нет, Мэй, — твёрдо ответила она, - но меня действительно тогда ложно обвинили в исчезновении тех девочек. Но я была абсолютно невиновна, и полиция это полностью доказала! Мне очень оскорбительно, что ты такого дурного мнения обо мне... А ведь мы могли бы дружить, мы всё-таки родные люди по крови! У меня нет своих детей, Мэй. Если мы сблизимся, я могу сделать тебя единственной наследницей своего богатства и своего бизнеса.

Она слегка растерялась от такого заявления.

— Польщена... — тихо ответила девочка.

Лаура вздохнула и жестом пригласила их в дом. Вскоре Герард, Мэй и Лаура уже сидели на уютной кухне за большим деревянным столом. Женщина налила им горячего чая, поставила вазочку с печеньем, и они начали доверительный разговор. Вопреки всем пугающим слухам Варфоломея, Лаура оказалась удивительно милой, доброжелательной и интеллигентной женщиной. Она искренне сочувствовала Мэй, расспрашивала про её учёбу и отменила все подозрения — к исчезновению Валерии она действительно не имела ни малейшего отношения...

На следующий день Мэй и Герард отправились в городское отделение полиции Брютбелла и подали официальное заявление о розыске Валерии. Стражи порядка приняли бумаги, но их слова не внушали оптимизма. Прошло три длинных, мучительных дня, но о Валери не было ни слуха, ни духа. Мэй сходила с ума от неизвестности: брат был в Сониде, опекун превратился в увядающего от собственной тьмы монстра, а единственная верная подруга словно растворилась в воздухе.

Тем временем в столице жизнь текла по иным, куда более мрачным законам. Ями благополучно вернулся в школу Статимэд и вновь жил под крылом своего опекуна. А в одну из глухих ноябрьских ночей Варфоломеем отправился на прогулку с королевой Каролиной в Проклятый лес. Они долго шли по хрустящей от первых заморозков в полной тишине. Небо над ними затянулось редким, низким багровым туманом, похожим на запекшуюся кровь. Вдруг Каролина остановилась и сделала ему жуткое, сокровенное откровение.

— Ты ведь помнишь, как ты впервые воскрес? — она слегка сузила свои зеленые глаза.

— Как? — Варфоломеем медленно снял капюшон, позволяя морозному ветру трепать его пепельные кудри, и с затаенной тревогой взглянул на неё.

Они мгновенно сели на старый разлапистый пенек под этим кровавым небом.

— Ты умер в шестнадцать лет, — тихо произнесла Каролина, -твоя приёмная сестра Габриэлла вместе с другими учениками натравила на тебя стаю воронов с помощью жестокой тёмной магии. Но отец Адам и я нашли твое мертвое тело в самом сердце городского кладбища. Я расплакалась, увидав тебя... Я ещё в школе была тайно влюблена в тебя, хоть и скрывала это от всех. Я не могла отпустить тебя. Мы с отцом Адамом провели запретный черный ритуал, и ты воскрес.

Варфоломеем замер. В его единственном голубом глазу проскользнула невыразимая боль.

— Почему вы не позволили мне уйти на небеса к Богу? — с глубокой, разрывающей душу грустью спросил он. — Я отчётливо помню, как моя измученная душа улетала... Я созерцал Бога и Святых Ангелов, там был покой! Как ты могла, Каролина?!

— Прости... — шепнула она, опустив взор, - но смириться с твоей гибелью я не могла, потому что слишком сильно любила тебя.

— Каролина... — Варфоломеем поправил капюшон, его голос дрогнул, - ты хоть представляешь, сколько всего я перенёс? Мою маму с ума свела Клотильда, женила моего отца на себе, надо мной безжалостно издевались в школе... Я искренне хотел умереть и обрести покой!

— А затем, — продолжила девушка, словно не замечая его стонаний, — через полгода ты вернулся домой. И ты отомстил за себя: ты насрал на Габриэлла страшную болезнь, и она мучительно умирала несколько лет. А когда она испустила последний вдох, Клотильда окончательно сошла с ума. Она зарезала твоего отца Ричарда, а затем убила и тебя. Ты умер второй раз! Но вновь воскрес из-за того древнего обряда, что мы провели.

Каролина подошла к нему вплотную и взяла его за бледные подрагивающие пальцы:

— Ты больше не обычный человек, Варфоломей. Ты — божество или демон. Именно поэтому ты превращаешься в ворона и обладаешь такой исполинской силой. Ты никогда не умрешь окончательно! Даже если тебя убивают или пытаются запечатать — как в том случае с Герардом и Мэй, когда они "уничтожили" тебя, — эта печать разрушается. Ты вечен.

— Какой кошмар... — содрогнулся мужчина, прижимая ладонь к груди.

- Но у тебя огромное, милосердное сердце! — пылко воскликнула Каролина, -воскреси отца Адама! Ты можешь вырезать у себя часть бессмертного сердца и вживить ему, и он оживёт!

— Хорошо, — тихо ответил Варфоломей, глядя в багровую темноту леса, -но...зачем тебе это?

— Мой родной отец отказался от меня при рождении, — с горечью заговорила Каролина, - мама умерла прямо во время родов. Меня все воспринимали как проклятие и ошибку... Я родилась с детским церебральным параличом. Но мой отец отдал меня монаху Адаму как опекуну. А он был твоим родным дядей —братом твоего отца Ричарда! И я невероятно скучаю по нему. Отец Адам нашел древний способ и исцелил меня своей магией. А потом, когда мне исполнилось девять лет, я участвовала в великой войне магов между Светлыми и Тёмными. Я сражалась на стороне Тёмных, чтобы доказать свою значимость миру! А после твоего второго воскрешения ты присоединился к нашему отряду тёмных магов, чтобы стирать Светлых с лица земли... Ты был нужен мне и для этого. Пойдём совершим это!

Ночь над столицей нависла тяжёлым, непроницаемым саваном. Холодный ноябрьский ветер с завыванием гнал сухие листья по заброшенным аллеям старого городского кладбища Сониды. Каролина и Варфоломей шли между покосившимися крестами и покрытыми мхом надгробиями, пока не остановились у склепа из тёмного гранита. Здесь покоился отец Адам. Он умер одиннадцать лет назад, и его имя уже успело раствориться в памяти живых. Каролина вскинула руки, призывая тёмную магию. Земля над могилой задрожала, разверзлась, и подгнивший деревянный гроб поднялся на поверхность. Крышка со скрежетом отвалилась, обнажая высохшее, гнилое тело монаха. Одиннадцатилетия превратили его в страшную подобие человека, но для того, кто владел силой бессмертия, это не было преградой. Варфоломей посмотрел на останки своего дяди. В его небесно-голубом глазу не было страха — лишь суровое осознание своей новой, жуткой сути.

Мужчина достал ритуальный клин с витиеватым лезвием. Без единого колебания, с ледяным спокойствием он приложил сталь к своей груди и сделал глубокий, грубый надрез. Кожа и мышцы расступились. Из раны хлынула тёмная, густая кровь, но Варфоломей даже не поморщился. Пробравшись пальцами сквозь ребра, он сжал своё собственное, непрестанно пульсирующее бессмертное сердце. С глухим хрустом некромант отсёк острым лезвием часть своей плоти. В его руках затрепетал кусочек древней, божественной энергии, от которого исходил бледный серебристо-чёрный свет. Преодолевая жуткую тишину, Варфоломей склонился над гробом, с силой распорол истлевшую грудину отца Адама и вживил часть своего сердца в его засохшие внутренности. Достав иглу и прочные суровые нити, маг методично зашил рану на груди монаха. Прошло несколько долгих, замерших мгновений. Вдруг истлевшая грудная клетка отца Адама судорожно вздыбилась. В сухих лёгких застрял первый за одиннадцать лет вдох. Его глаза, провалившиеся в глазницы, вспыхнули неживым, потусторонним светом, и мертвец с хрипом сел в гробу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.